

 Стихи любви

ШТЕФАНИ
САНТЕР

НАШ
необъятный
ОКЕАН

Москва
2024

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
С18

Stefanie Santer
AN OCEAN SO WIDE

Copyright © 2023 Piper Verlag GmbH, München

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с немецкого *Светланы Селифоновой*

Разработка серии *Анастасии Зининой*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Фото на клапане из личного архива автора

В оформлении обложки использована фотография:

© Stock High angle view / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Сантер, Штефани.

C18 Наш необъятный океан / Штефани Сантер ; [перевод с немецкого С. Селифоновой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. — (Стихии любви).

ISBN 978-5-04-208064-7

Эми — студентка Института морской биологии. Она похожа на русалочку Ариэль, отлично плавает и пытается сберечь от уничтожения свою любимую бухту Новембер-Бэй.

Эзра — популярный уличный художник, который держит в секрете свою личность.

Эми не верит в любовь, а Эзра, кажется, ненавидит ее с первой встречи, но, чтобы написать статью в местном журнале ко Дню святого Валентина, героем приходится сблизиться. И бурное взаимное чувство захлестывает их.

Удастся ли Эми и Эзре сохранить любовь? Или тайны прошлого разрушат все подобно цунами?

УДК 821.112.2-31

ББК 84(4Вел)-44

© Селифонова С., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-208064-7

*Посвящаю всем,
кто начал думать о завтрашнем дне еще вчера
и за это подвергается насмешкам сегодня*

Я расскажу тебе легенду о бездонной синеве...
Ты ведь уже не боишься, верно?

«Русалочка» (диснеевский мультфильм 1989 г.)

ГЛАВА 1

Эзра

Мой менеджер одну за другой выкладывает газеты, громко хлопая каждой по столу. Все первые полосы практически одинаковы. И каждый заголовок кричит о том, что я натворил.

— Прекрасная была идея, верно?

Я скидываю брови и ухмыляюсь. А вот Льюису не смешно. Он разворачивает ноутбук, чтобы я мог видеть экран.

— Твою мать, Эзра! Это же кошмар! — чертыхается он и кивком головы призывает прочесть то, что написано мелким шрифтом.

Я вздыхаю.

— А ты не мог бы зачитать вслух?

Будь это в его силах, возможно, Льюис сейчас уничтожил бы меня взглядом... впрочем, нет, он слишком меня ценит. Однако я все же не выдерживаю напора, отдираю себя от мягкого офисного кресла и, морща лоб, читаю PDF-документ, в котором едва ли не каждое предложение начинается с перечисления статей кодекса.

— Что это?

— Твой конец, парень. Причем полный и бесповоротный.

— Мне объяснят хоть что-нибудь? Или лучше сразу звонить в преисподнюю, предупредить, что ты меня снова к ним отправляешь?

Я склоняю голову вбок, внезапно обнаружив, что, как ни странно, нервничаю. И продолжаю выворачивать шею, пока не слышу треск в позвонках.

Льюис бессильно закатывает глаза. Видно, что он старается сдерживаться, и все равно уже в следующую секунду окончательно теряет терпение.

— На тебя подают иск — ты уничтожил одно из самых знаменитых в мире граффити, идиот!

Красные пятна выступают из-под воротника его рубашки, поднимаются все выше и выше...

— Ну, строго говоря, само граффити никуда не исчезло. Я просто замазал его белой краской.

— Маешься дурью со скуки, вот и приходят в голову всякие бредовые идеи!

Красные пятна доползли до щек, блестящих от крема после бритья. То есть мне кажется, что это крем после бритья — резкий запах шибает в ноздри всякий раз, когда Льюис прерывает разговор и начинает обалдело трясти головой.

Я пожимаю плечами.

— Это же *мой* мурал. Я его создал, я его и закрасил. Что тут плохого?

Сюжет граффити был дурацкий — по сути, проба пера; теперь я уже не рисую в таком стиле. Песочные часы, в верхней колбе несколько целых сердец,

а в нижней — несметное количество разбитых на две части.

Сперва никто не понял, что вообще произошло. Пресса некоторое время спекулировала:

Неужели Эзра Афзал исчезнет с холстов?

Тик-так — время Эзры Афзала истекло? Рассеялся как призрак. Призрак из мира искусства...

Есть ли враги у Пикассо с аэрозольным баллончиком?

Несколько дней я смеялся над абсурдными заголовками, а потом сам опубликовал фото: стена, освещенная уличными фонарями, и на ней тень от ведра с краской. А дальше короткое видео, снятое Олив: как я дома мою руки, после того как закрасил мурала. Крупным планом пальцы в мыльной пене; предательские белые капли стекают в сливное отверстие. И хештег: *#этонаея*.

А после воцарился хаос. Мои картины и репродукции выросли в цене вдвое. Как всегда — люди непременно хотят приобрести что-то, если поверили, что вскоре это будет невозможно. Те, у кого сохранились фото мурала, теперь постят его с псевдофилософскими цитатами. Само по себе уже хорошая реклама. Понятия не имею, чем Льюис недоволен.

— Что тут плохого? А то, что граффити было на стене главного офиса «Статуса». Ты испортил их чертову стену!

— Э-э... ну вообще-то я уже испортил ее пару лет назад. И никого это тогда не напрягало.

Я преувеличенно невинно хлопаю глазами. Провоцировать Льюиса — единственное, что я могу сейчас делать, чтобы хоть чуть-чуть развлечься.

— Какого хрена, Эзра? Тебе известно не хуже моего, что каждый турист и вообще любой приезжий специально идет к зданию, чтобы сфотографироваться на фоне мурала. А прямо над ним висит логотип «Статуса». И на каждом селфи люди видят название журнала. Вот за что они хотят привлечь нас к суду. За уничтожение рекламы, а следовательно, упущенную выгоду. И, само собой, за то, что твоя «прекрасная идея» — он рисует в сгустившемся воздухе кавычки — не что иное, как вандализм!

— Они могут выиграть дело?

— С юридической точки зрения в подобных случаях решение обычно принимают в пользу владельцев недвижимости. Но мы ведь не хотим, чтобы дошло до суда, верно?

— Так напиши им письмо от моего имени. Что мне очень жаль и все такое.

На самом деле мне не жаль. Однако я все равно ничего не могу изменить.

— Эзра, ты понимаешь, что мы имеем дело с офигенным концерном?

— Отсюда следует, что извинений недостаточно?

Я по-прежнему нахожу забавным, что из моего проступка раздули такую драму. И если «Статус» из-за пары исчезнувших сердечек сразу посылает адвокатов, я, честно говоря, рад, что больше не делаю им рекламу.

— О да, «простите меня, я дурак, больше это не повторится» в любом случае часть плана. Само собой, ты должен явиться к ним лично и, если требуется, встать на колени. Мы оба знаем, что судебный иск и шум, который поднимется в прессе, — последнее, что ты хочешь. Потому что речь идет не о твоих картинах. А о тебе.

Я закрываю глаза. Вот черт!

На несколько действительно неприятных секунд в кабинете Льюиса воцаряется тишина. Только часы тикают на стене. Мне уже не смешно. Может быть, мое время действительно истекло?

— Эзра!

Я киваю. Еле заметно. И все же киваю.

— Это следует понимать как «да»?

— Это следует понимать как «если потребуется».

— Отлично! Ты проиллюстрируешь новый специальный выпуск «Статуса». В счет возмещения ущерба. Все, что я смог для тебя выбить. Ты распаковываешь карандаши, они отзывают иск.

На сей раз я не киваю. Ни за что!

— Это принуждение!

— Неужели?

Льюис захлопывает ноутбук. Статьи обвинений исчезают из моего поля зрения. К сожалению, они никуда не делись. Такие вещи не растворяются просто так; не всякую проблему можно замазать белой краской и заставить исчезнуть...

Льюис щелкает пальцами, прерывая поток моих мыслей.

ШТЕФАНИ САНТЕР

— Как по мне, это чертовски простое решение, позволяющее устранить проблему, — сухо поясняет он. — Если тебя вытащат в суд, люди узнают, кто ты. Однако всего пара симпатичных иллюстраций — и можешь дальше сохранять свое инкогнито.

— Ладно, — произношу я тихо, хотя внутри все противится. — Согласен.

— Верное решение! — Льюис одним движением руки сметает со стола газеты, и стопка с громким стуком падает в корзину для бумаг. — Детали тебе пояснит шеф-редактор «Статуса». Будешь работать в паре с кем-то из его журналисток. И я прошу — ради себя, ради меня, ради моего и без того повышенного давления — просто сделай свою работу. Без всяких новых скандалов, без средних пальцев, без...

— Не горячись, — упреждаю я его. — Будет исполнено.

ГЛАВА 2

Эми

— Мисс? Можно попросить вас последовать за мной?

Я с трудом сглатываю, собираю все свое мужество и мотаю головой.

— Нет. Сначала я хочу с ним поговорить!

Ненавижу, когда голос дрожит. Вдобавок глаза щиплет невыносимо, и все же я сдерживаю слезы. Иначе кто меня воспримет всерьез?

Секретарь советника Уолби смотрит на меня непонимающе. Я упорно отказываюсь идти с ним, и тогда он раздраженно качает головой и хватается за телефон.

— К сожалению, вы не оставляете мне выбора. Если не покинете добровольно здание мэрии, я звоню в полицию.

До меня уже дошло, что он не блефует, но я не трогаюсь с места. Не показывай страха, Эми! Если ты сейчас струсишь, этого не сделает никто!.. Я расправляю плечи. Неопреновый костюм для плавания сковывает движения; я только теперь начинаю понимать, что промокла до нитки. А еще босая и вся в песке.